

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

Мария Некрасова

Привычка выживать

Остров требует жертвы

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ

79

Москва
2020

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н48

Некрасова, Мария Евгеньевна.

Н48   Большая книга ужасов 79 / Мария Некрасова. —
Москва : Эксмо, 2020. — 448 с. — (Большая книга
ужасов).

ISBN 978-5-04-091788-4

Остров – место, где можно найти спокойствие. А еще это место, которое нельзя покинуть просто так, по первому желанию. Остров – это тюрьма. Но что, если она к тому же населена монстрами? Чудовищами, которые только и ждали жертву, которая однажды наконец приплывет к ним и больше никогда не сможет выбраться отсюда? Герои этих историй имеют дело не только со злом, им придется сражаться с собственными страхами. А от них, так же как и с островов, на которых они оказались, никуда не убежать...

В книгу вошли повести Марии Некрасовой «Привычка выживать» и «Остров требует жертвы». Оба произведения печатаются впервые.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Некрасова Мария, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-091788-4

Привычка выживать

Все персонажи и события вымышлены, все (не дай бог!) совпадения случайны; никакого института Шарикова, конечно, не существует.

Я все это выдумала, но продолжаю настаивать, что в жизни такое случается.

Флэшбэк-1 (вместо пролога)

Лена и Жули

Сервал — это первое, что я помню из моей новой жизни. Там, где она началась, был сервал. Я их не встречала до того момента и не знала, как называются, а теперь слово прочно въелось в голову, не выгонишь. Сервал. Большой кот с большими ушами. Он лежал в маленькой клетке, в нескольких шагах от меня, аккуратненький, в красивых черных пятнах, которые будто специально долго рисовали. Весь перемотанный бинтами, с этой торчащей отовсюду ватой, он был похож на порванную игрушку. Но это сейчас я так думаю. Я много о нем думаю последнее время.

Себя я тогда плохо помню. Помню, что все болело. Я смотрела на сервала, на свои руки и торчащую из вены фиговину веселого зеленого цвета. Я тянулась ее сорвать — и будто проваливалась в яму. Бесконечное падение. Сон. Он длился целую вечность, и даже там, во сне, в своем бесконечном падении, я чувствовала боль. Она росла из плеча и уходила то в ноги, то в голову — как будто металась туда-сюда.

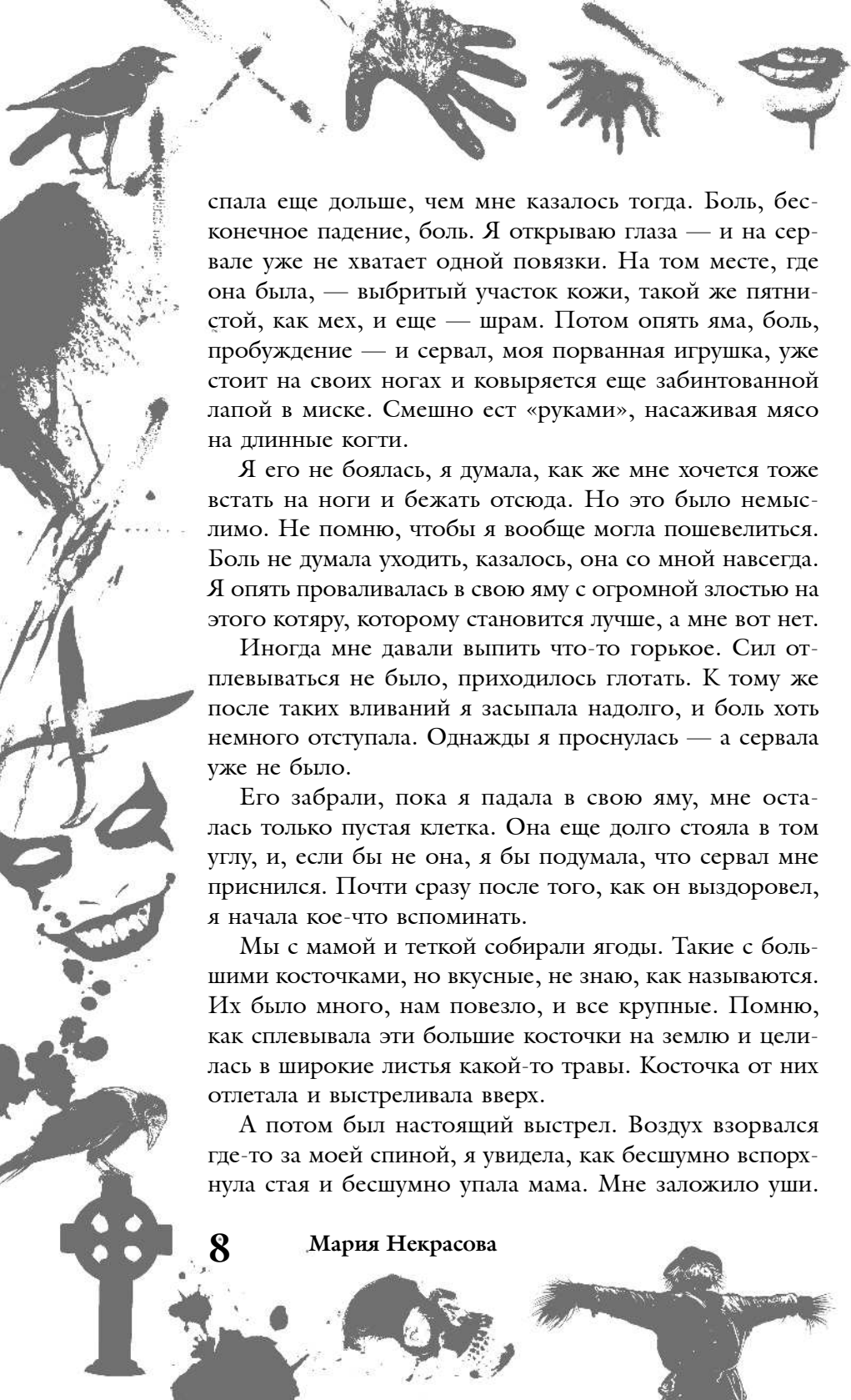
Я не помнила, кто я и как я сюда попала, меня просто не было. Была боль, бесконечное падение — и сервал. Когда я открывала глаза, я видела его.

Он быстро выздоравливал, этот котяра. Хотя сейчас я думаю, что, может, не так уж и быстро, просто это я

Привычка выживать

7

спала еще дольше, чем мне казалось тогда. Боль, бесконечное падение, боль. Я открываю глаза — и на сервале уже не хватает одной повязки. На том месте, где она была, — выбритый участок кожи, такой же пятнистой, как мех, и еще — шрам. Потом опять яма, боль, пробуждение — и сервал, моя порванная игрушка, уже стоит на своих ногах и ковыряется еще забинтованной лапой в миске. Смешно ест «руками», насаживая мясо на длинные когти.

Я его не боялась, я думала, как же мне хочется тоже встать на ноги и бежать отсюда. Но это было невыносимо. Не помню, чтобы я вообще могла пошевелиться. Боль не думала уходить, казалось, она со мной навсегда. Я опять проваливалась в свою яму с огромной злостью на этого котяру, которому становится лучше, а мне вот нет.

Иногда мне давали выпить что-то горькое. Сил отплеиваться не было, приходилось глотать. К тому же после таких вливаний я засыпала надолго, и боль хоть немного отступала. Однажды я проснулась — а сервала уже не было.

Его забрали, пока я падала в свою яму, мне осталась только пустая клетка. Она еще долго стояла в том углу, и, если бы не она, я бы подумала, что сервал мне приснился. Почти сразу после того, как он выздоровел, я начала кое-что вспоминать.

Мы с мамой и теткой собирали ягоды. Такие с большими косточками, но вкусные, не знаю, как называются. Их было много, нам повезло, и все крупные. Помню, как сплевывала эти большие косточки на землю и целилась в широкие листья какой-то травы. Косточка от них отлетала и выстреливала вверх.

А потом был настоящий выстрел. Воздух взорвался где-то за моей спиной, я увидела, как бесшумно вспорхнула стая и бесшумно упала мама. Мне заложило уши.

Кто-то, скорее всего отец, толкнул меня в спину, и мы побежали. Тетка рядом со мной, отец сзади.

Я бегу, и мне хочется оглянуться, но я боюсь. Не оглядываюсь. Ничего не слышу, только вибрации воздуха, он бесшумно взрывается за спиной. Падает отец, и я все-таки оборачиваюсь. Тут же что-то тяжелое бьет меня по плечу. Тетка. Она висит на мне, изо всех сил цепляясь, у нее страшное лицо, совсем не похожее на то, что я привыкла видеть. Я так и стою между ними, ничего не соображая, пока что-то не кусает меня в спину.

Перед глазами бегают разноцветные зайчики, но я все еще держусь на ногах и держу тетку. Я даже не помню, чтобы было больно тогда: укус — и все. У тетки не двигаются зрачки. Это ужасно странно, но я не успеваю удивиться: что-то больно впивается мне в плечо. Я пытаюсь бежать, падаю и скатываюсь в низину под большое дерево. Я успеваю подумать, что в таких зарослях меня вряд ли найдут, и проваливаюсь в яму.

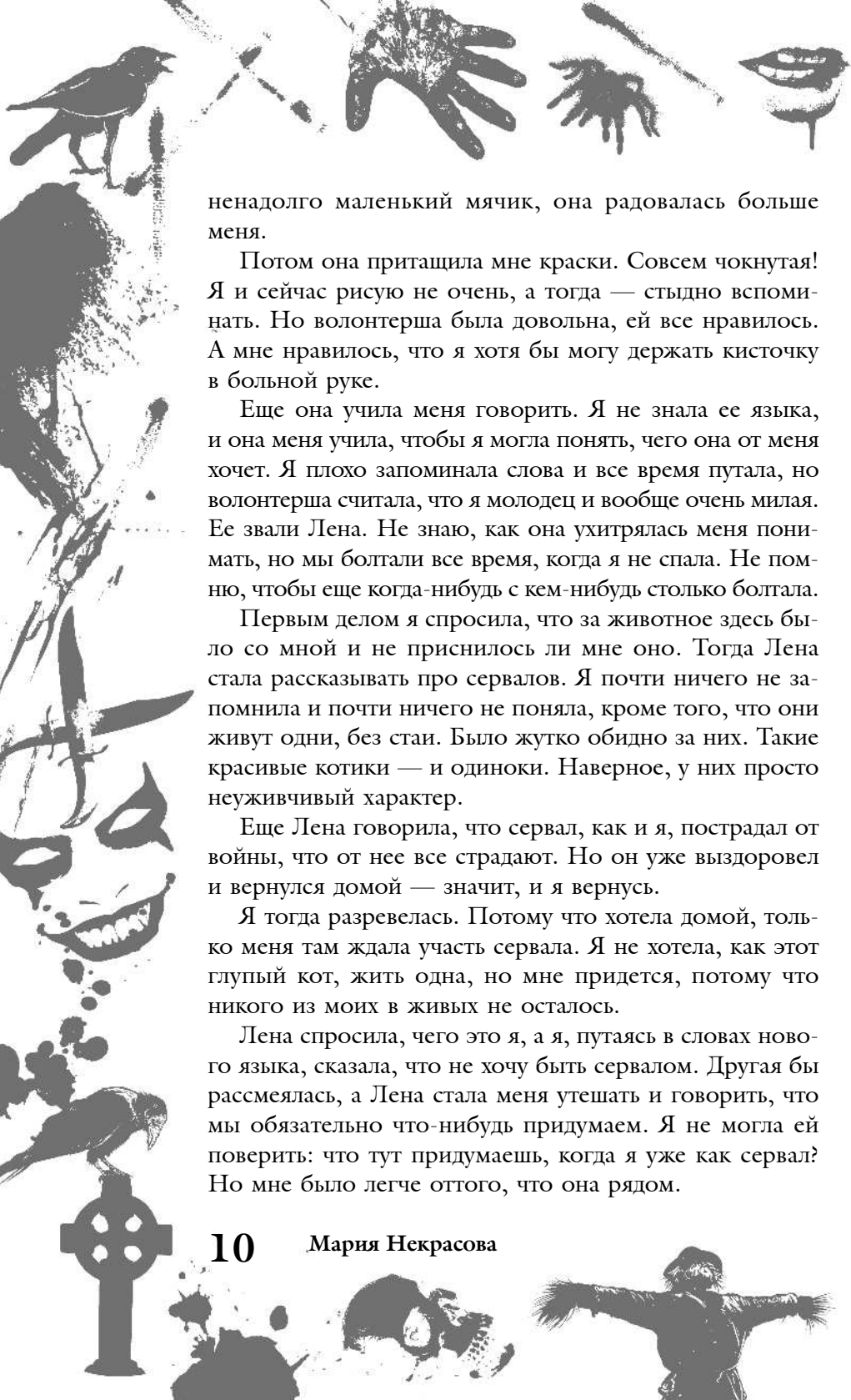
Когда я наконец открыла глаза, я увидела сервала.

* * *

Уже после того как сервал выздоровел и даже унесли пустую клетку, ко мне стала приходить женщина. Она меня кормила и заставляла разрабатывать больную руку. Во всей правой четверти выше пояса мне принадлежала только боль. Рука была как чужая, я не верила, что когда-нибудь смогу ее хотя бы поднять.

...А волонтерша хотела, чтобы я сгибалась и разгибала пальцы, брала этой чужой рукой странные скользкие игрушки. Это было больно и невозможно. Я злилась, хватала все левой и выбрасывала в дверной проем на улицу. Волонтерша покорно приносила игрушки, и все начиналось заново. В день, когда мне удалось удержать

ненадолго маленький мячик, она радовалась больше меня.

Потом она притащила мне краски. Совсем чокнутая! Я и сейчас рисую не очень, а тогда — стыдно вспоминать. Но волонтерша была довольна, ей все нравилось. А мне нравилось, что я хотя бы могу держать кисточку в большой руке.

Еще она учила меня говорить. Я не знала ее языка, и она меня учила, чтобы я могла понять, чего она от меня хочет. Я плохо запоминала слова и все время путала, но волонтерша считала, что я молодец и вообще очень милая. Ее звали Лена. Не знаю, как она ухитрилась меня понимать, но мы болтали все время, когда я не спала. Не помню, чтобы еще когда-нибудь с кем-нибудь столько болтала.

Первым делом я спросила, что за животное здесь было со мной и не приснилось ли мне оно. Тогда Лена стала рассказывать про сервалов. Я почти ничего не запомнила и почти ничего не поняла, кроме того, что они живут одни, без стаи. Было жутко обидно за них. Такие красивые котики — и одиноки. Наверное, у них просто неуживчивый характер.

Еще Лена говорила, что сервал, как и я, пострадал от войны, что от нее все страдают. Но он уже выздоровел и вернулся домой — значит, и я вернусь.

Я тогда разревелась. Потому что хотела домой, только меня там ждала участь сервала. Я не хотела, как этот глупый кот, жить одна, но мне придется, потому что никого из моих в живых не осталось.

Лена спросила, чего это я, а я, путаясь в словах нового языка, сказала, что не хочу быть сервалом. Другая бы рассмеялась, а Лена стала меня утешать и говорить, что мы обязательно что-нибудь придумаем. Я не могла ей поверить: что тут придумаешь, когда я уже как сервал? Но мне было легче оттого, что она рядом.

Она долго со мной возилась. Я видела в дверной проем, как меняется погода, но отчего-то не хотела выходить на улицу. Наверное, все-таки боялась, не помню. Помню, я чувствовала, что становится все холоднее и холоднее: наступала осень, а мое плечо никак не заживало. Мне казалось, что я навсегда поселилась здесь, в этом маленьком госпитале, но больше меня это не пугало — ведь со мной была Лена. Она была первым, что я видела, когда открывала глаза по утрам, и последним, что я видела засыпая. Я уже ловко хватала все игрушки, даже скользкие, еще рисовала и пыталась вязать хитрые узелки, которые показывала Лена. Если мы не занимались моей рукой, мы болтали.

Я расспрашивала ее в основном про новых животных, которых приносили в мой закуток. Они все были больны или ранены, Лена рассказывала мне, что с ними случилось. Я еще плохо понимала ее язык и переспрашивала по двести раз. Когда Лене это надоело, она выдумывала всякую ерунду: например, что антилопа не попала в яму, а неудачно станцевала и запуталась в ногах.

Многих из тех, кого приносили, я встречала и раньше, но не знала, как они называются на Ленином языке. Тогда я и это заставляла ее повторять по нескольку раз — должна же я была запомнить!

Я помогала Лене за ними ухаживать, она не возражала, говорила, что так я скорее разработаю больную руку. Этих животных выздоровела, наверное, целая стая, прежде чем зажило мое бедное плечо.

Это случилось уже зимой. Утра были холодные, и я не спешила вставать. Я открыла глаза, увидела, что Лена за ночь никуда не сбегала, и плотнее завернулась в одеяло, чтобы спать дальше. Тогда Лена сказала, чтобы я перестала валять дурака, потому что ей пора домой. Я даже

не поняла — я думала, ее дом здесь, хотя это, наверное, глупо.

Я разревелась и стала проситься с ней. Не помню, что тогда говорила мне Лена — кажется, что-то про плохую погоду и про долгую дорогу... Честно говоря, мне было плевать на это все. Я хотела выбраться отсюда с ней, а не одна, как глупый сервал.

И она позволила! Она сказала, что я уже достаточно здорова, чтобы все выдержать.

Глава I

Авария

Слепой фонарь над проходной блестел металлическим ободком. В будке охранника не горел свет, и ворота были не освещены: просто глухой лист железа в темноте. Оглушительно стрекотали цикады: только они и заставляли думать, что мы в реальном мире, а не во сне — уж очень все это было странно.

— Умер он там, что ли? — Лысый постучал ногой в ворота. Противный металлический стук, я даже уши зажала. — Михалыч! Выходи, дачники приехали.

Сторож Михалыч ждал нас на даче всю неделю. Ну, должен был ждать. А вот мы приехали — и никого. Темнота, тишина.

— Не надо говорить, что он умер!

Но Лысый меня не услышал. Он стучал в темное окно проходной, потом прижался лицом к стеклу, заслоняясь ладонями:

— Михалыч! Дрыхнет, что ли...

Флер встала на лавочку у бетонного забора, подтянулась на руках и уселась верхом. Лысый не видел, был занят тем, что пытался достучаться в будку на проходной. А я полезла к Флер. Мальчишки, наблюдавшие все это из машины, тут же повыскакивали и устремились к нам на забор. Они крались осторожно, чтобы Лысый не заметил, но он был слишком занят и вообще не смотрел в их сторону.

Бетонный забор вокруг нашей дачи обожают местные художники. Каждый год, как ни приедешь — обязательно новые рисунки. Михалыч ругается, грозитя поймать и заставить красить, но еще никого не поймал. Сейчас я видела что-то новенькое, но не могла разглядеть в темноте. Вскарabalкалась на забор, уселась рядом с Флер.

Холодный бетон после теплой машины пробирал до костей. Больше всего хотелось спрыгнуть, но на забор уже карабкался Лео, и карабкался с моей стороны. Когда рядом с тобой садится Лео, холод можно и потерпеть. Он залез, уставился в темноту на территорию дачи, и я сделала вид, что тоже туда смотрю.

...А через секунду между нами втиснулся Бад, а за ним еще Васька и Руди! Флер молча глянула на вот это все и только сочувственно мне кивнула. Что тут скажешь, когда все за нас решают Бады! Не люблю Бада. Он дурак.

Мы ухитрились усестя вшестером на одной секции (Софи, похоже, уснула в машине). Все пытались разглядеть хоть что-то на неосвещенной территории школьной дачи.

— Что-нибудь видишь?

По ту сторону забора было так же темно, как по эту. Я еле разглядела асфальтовую дорожку, ведущую к корпусам, и черные безглазые коробки — сами корпуса. Вся территория утыкана фонарями, ночью здесь бывает светло как днем, а сейчас нет. Ни один фонарь не горел. Мрак. Ни души. В ухо ударил холодный ветер, желудок свело спазмом. Последний раз мы ели в школе, это было в обед. Потом долго ехали, Лысый забыл сумку с продуктами и полдороги ворчал об этом, а вторую половину говорил, что ничего страшного, поедим на даче, Михалыч нас ждет. Ну вот и приехали. Темно и холодно. И Михалыча нет.

Лысый колотил в дверь так, что я вздрагивала каждый раз. Если бы Михалыч был на месте, он бы давно услышал. Куда же он делся? Лысый еще разок санданул по двери (мне показалось, что бетонный забор качнулся под нами от этого удара), ругнулся и сел на крыльцо.

— Что видно? — Он спросил как ни в чем не бывало, даже ничего не сказал, что мы сидим на заборе.

— Ничего. Темно.

— Вот мы влипли! И не позвонить...

Телефон Лысого остался в школе. Большею частью — на столе в спальне мальчишек. Еще несколько мелких частей затерялись навечно где-то под кроватями, Лысый их не искал, он сказал, что телефон сдох. Мальчишки натянули веревочку над порогом, и Лысый споткнулся вместе со своим телефоном. Лысый ушибся, телефон сдох. После этого Лена отобрала все наши планшеты до осени, чтобы мы за лето не отупели окончательно. В общем, мы все без связи. У Лысого еще есть ноутбук, но у Михалыча нет скайпа.

— Михалыч!

Тишина.

Я сидела на заборе и тарасилась на темные дачные корпуса. Странно, что в этих слепых черных коробках когда-то была жизнь. Корпуса выглядели так, будто там тысячу лет никто не появлялся. Жесть крыши, блестящая в свете луны, в одном месте разошлась, образовав огромную дыру — я бы, пожалуй, пролезла. И окно в ближайшем корпусе. Выбито? Стекло блестело только в нижней части окна, а выше — черный мрак. Или мне плохо видно, или... На дорожке блеснул крупный осколок. Точно: стекло выбито.

Я крикнула Лысому, но он опять заколотил в дверь будки и не услышал.

